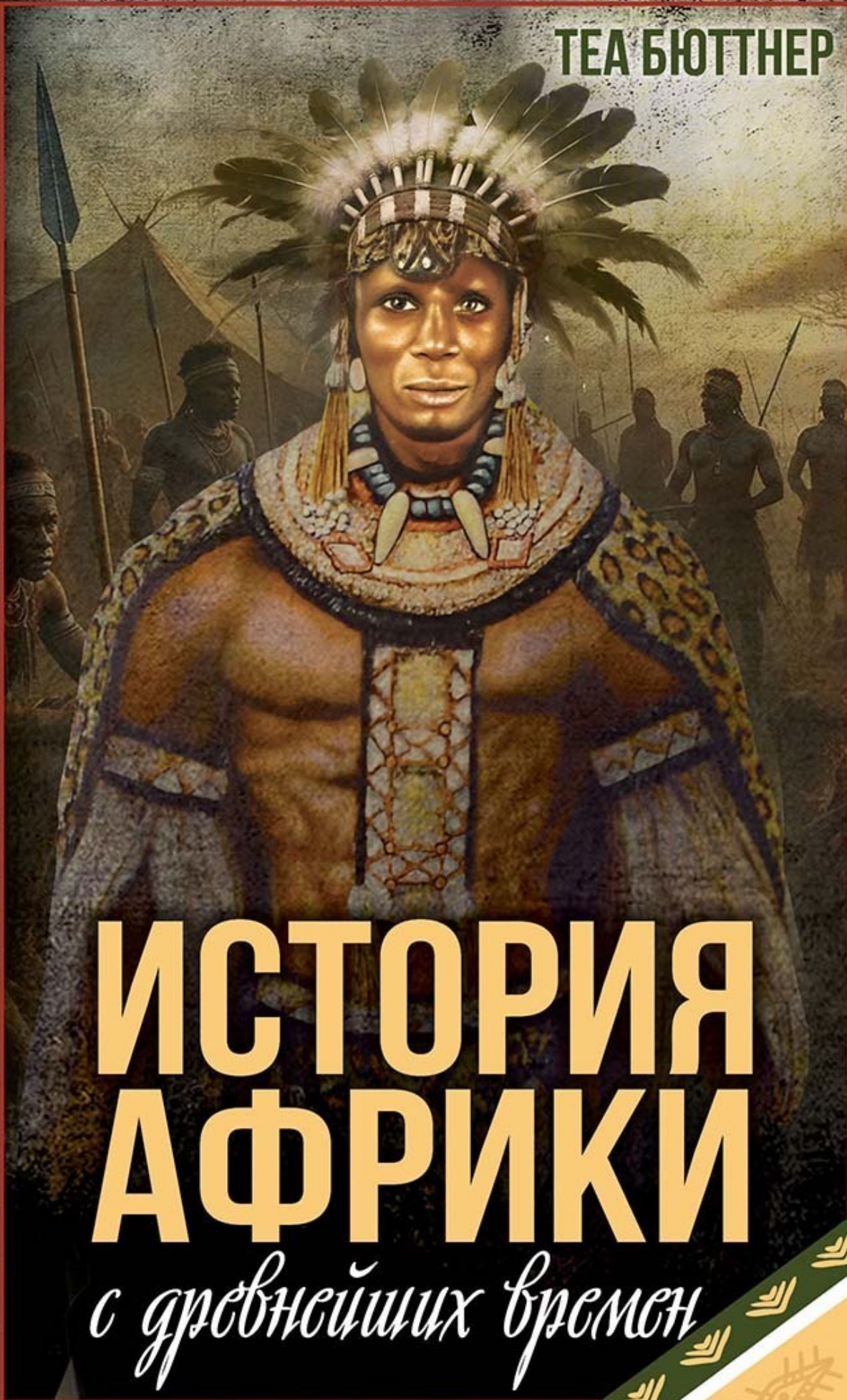

The central illustration depicts a powerful African warrior in the foreground, wearing a large feathered headdress and a leopard-print cape. He is surrounded by other warriors in a tribal setting with spears and tents in the background. The entire scene is framed by a decorative border with repeating geometric patterns.

ТЕА БЮТТНЕР

ИСТОРИЯ АФРИКИ

с древнейших времен

Весь мир

Теа Бюттнер

**История Африки с
древнейших времен**

«Алисторус»

2026

УДК 94(6)
ББК 62.3(6)

Бюттнер Т.

История Африки с древнейших времен / Т. Бюттнер —
«Алисторус», 2026 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00269-261-3

«Африка сама напишет свою историю, славную и почетную для всего континента, от севера до юга», — сказал незабвенный Патрис Лумумба незадолго до того, как он был убит. Но лучшее исследование об истории черного континента написал Теа Бюттнер — великий немецкий историк. Эта книга отвечает на самые животрепещущие вопросы, связанные с многовековой летописью черного континента. Была ли Африка колыбелью человеческой цивилизации? Как возникли древнейшие африканские монархии? Был ли у Африки «золотой век»? Почему Африка отстала от Европы по развитию науки и техники? Почему империалисты колонизировали Африку и какую выгоду от этого получали? Бюттнер рассказывает о всех африканских цивилизациях, о великих монархах и полководцах, о реформаторах и проповедниках. Раскрывает закономерности исторического процесса. Это уникальное издание — самая главная книга об Африке на все времена. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(6)
ББК 62.3(6)

ISBN 978-5-00269-261-3

© Бюттнер Т., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Введение	6
Глава I. Является ли Африка колыбелью человечества? Тенденции развития древнейшей и древней истории	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Теа Бюттнер

История Африки с древнейших времен

© Бюттнер Т., правообладатели, 2026

© Солодовник Р. М., перевод, правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение

«Африка сама напишет свою историю, славную и почетную для всего континента, от севера до юга», – сказал незабвенный Патрис Лумумба незадолго до того, как он был убит в 1961 г. И действительно, сейчас Африка (под словом «Африка» подразумевается Африка к югу от Сахары, т. е. Тропическая Африка. Только в главе I, посвященной древнейшей и древней истории, прослеживаются общие тенденции развития Северной Африки и Сахары. – *Прим. авт.*) с присущим ей революционным энтузиазмом оживляет важнейшие исторические традиции и восстанавливает культурные ценности. При этом ей приходится непрестанно преодолевать барьеры, которые воздвигли и тщательно оберегали колониалисты, чтобы отгородить африканцев от истины. Наследие империализма глубоко проникает в самые различные области жизни. Его идеологическое воздействие на сознание народов Тропической Африки было и остается не менее важным фактором, чем унаследованные от колониализма экономическая и социальная отсталость, нищета, униженное положение и зависимость от иностранных монополий.

Ныне, однако, народы Африки решительно срывают с себя цепи, которыми их связывали колониалисты. В 50-х и начале 60-х годов большинство народов Африки, находившихся под игом империализма, достигли политической независимости. Это явилось важной вехой на трудном пути их борьбы против империализма, за национальный суверенитет и социальный прогресс. Постепенно они приходят к пониманию того, что их борьба составляет часть мирового революционного процесса, в котором главная роль принадлежит социалистическому содружеству государств во главе с Советским Союзом. Африканские народы прилагают огромные усилия, чтобы укрепить завоеванную политическую независимость и дать отпор многочисленным проидам неоимпериалистов. Перед ними стоят такие сложные задачи, как глубокие социальные и экономические преобразования, демократические аграрные реформы, ликвидация преобладания иностранных монополий, создание самостоятельной национальной экономики. Однако на нынешнем этапе не менее актуальна задача возрождения национальной культуры, частично уничтоженной или приниженной колониальными державами, и восстановления в памяти народной исторических традиций и славных деяний прошлого.

Изучение истории африканских народов получило новое направление. Чтобы успешно бороться против империализма, надо не только знать о славных подвигах борцов против колониализма, но и представлять себе замечательную историю государственных образований доколониального периода. Исследователям удалось почти повсеместно сорвать окутывавший ее флер романтики и мистики, и теперь они стремятся выявить важнейшие прогрессивные и революционные традиции, столь важные для современной национально-освободительной революции. Прогрессивная африканская историография сможет выполнить эту трудную задачу только при поддержке марксистов и других сил во всем мире, борющихся против империализма. Их объединяет общее стремление свергнуть иго империалистов и неоколониалистов, устранить насаждаемую ими дискриминацию и, конечно, опровергнуть реакционные буржуазные теории истории Африки, представляющие собой апологию колониализма.

К каким только измышлениям не прибегали капиталисты, чтобы оправдать ограбление колоний! Через множество печатных трудов красной нитью проходит мысль, что до прихода колониальных господ африканцы были полностью или почти полностью лишены способности к общественному прогрессу. Эта идея разрабатывалась на все лады и усиленно распространялась. Всего лишь 30 лет назад один колониальный чиновник назвал африканцев «дикарями, которых миновала история». Несть числа высказываниям, относящим народы Африки к «неисторическим» и даже низводящим их до «уровня диких животных». История Африки изображалась в виде постоянных приливов извне и отливов «волн высшей цивилизации»,

которые в известной мере способствовали развитию африканского населения, обреченного на застой. Европейские колонизаторы приписывали «динамическим, созидательным, культурным импульсам, поступающим со стороны», продолжительное рациональное воздействие, ибо «древнеафриканская культура лишена присущего западной цивилизации фаустианского стремления к вечной жизни, исследованию и открытиям»¹.

По сути дела история народов Африки к югу от Сахары сводилась к системе чуждых культурных напластований. Для вящей убедительности империалисты изображались «высшими культурирегерами». Продолжая фальсификацию истории Африки, апологеты колониализма оценивали безжалостное колониальное ограбление африканцев как благодеяние, особенно благотворное для их культуры и якобы открывшее им путь от стагнации к современному прогрессу. Совершенно очевидно, какие политические и социальные функции призваны выполнять подобные теории: они предназначены замаскировать истинную сущность и масштабы колониального угнетения и тем самым лишить антиколониальное и национально-освободительное движение его антиимпериалистической направленности.

Сейчас эти лживые вымыслы об историческом развитии Африки распространяются не так уж часто. Империалистическая пропаганда вынуждена – и не только в историографии и политике – прибегать к более изощренным и гибким формам. Растущее могущество реально существующего социализма и успехи национально-освободительного движения заставляют ее выдвигать теории, которые соответствуют новым задачам неоколониализма в большей мере, чем колониально-апологетические и расистские версии старого образца. Однако тон по-прежнему задают империалисты. Правда, буржуазная историография подвержена многообразным процессам дифференциации.

В некоторых капитальных трудах, например, в монографиях Р. Корневена, Р. Оливера, Дж. Мэтью, П. Дуигнена, Л. А. Ганна, Фр. Аншпренгера, и во многих специальных работах история Африки рассматривается с более реалистической точки зрения. Их авторы в отдельных случаях достигли весьма важных результатов в эмпирических исследованиях и в рассмотрении частных вопросов, но оценка исторических источников, постановка проблемы и – последнее по счету, но не по важности, – ненаучность выводов и классификации материалов заставляют отнести этих ученых к идеологам позднего капитализма. Выдвигаемые ими теоретические положения не менее опасны, чем идеи апологетов империализма. Достаточно сказать, что в некоторых из последних работ по истории и социологии предпринимается попытка отделить борьбу прогрессивных сил национально-освободительного движения за социальный прогресс от мировой социалистической системы и рабочего движения в высокоразвитых капиталистических странах.

Многие исторические труды на узкие темы, например, о причинах отсталости той или иной страны, об образовании «элит», служат для маскировки неоколониалистской экспансии.

Марксисты и другие прогрессивные элементы, борющиеся против империализма, в том числе и в африканских национальных государствах, объявили войну этим воззрениям. В очерке истории Тропической Африки с древнейших времен, составляющем содержание этой книги, должно быть объективно прослежено историческое и культурное развитие народов континента к югу от Сахары и выявлена бесчеловечная эксплуатация их колониализмом. Тем самым опровергаются основные положения проимпериалистической «науки».

В Советском Союзе после Октябрьской социалистической революции, а в странах мировой социалистической системы после 1945 г. начался новый период африканистики. Ученые этих государств, а также марксисты и другие прогрессивные исследователи во всем мире, и все чаще в самих африканских странах, публикуют в последние годы серьезные работы по древней и новой истории Африки. Это вызвало революцию в африканистике, которая

¹ E. Haberland. Die Grosse Illustrierte Weltgeschichte. Bd 1. Gütersloh, 1964, с. 1162.

раньше почти полностью находилась под влиянием колониалистов (особенно историография Тропической Африки от древнейших времен до раздела ее территории империалистическими колониальными державами). Монография «Народы Африки», составленная коллективом авторов под руководством Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина (в 1961 г. была издана в ГДР), заложила основы для многочисленных серьезных исследований отдельных проблем советской африканистикой. Благодаря этому труду работы советских ученых по лингвистике и истории Африки получили международную известность. Э. Шик (Венгрия), И. Хрбек (Чехословакия), М. Маловист (Польша) стремились восполнить своими работами известные пробелы в изложении общей истории доколониального периода народов Африки. Следует упомянуть также изданные и в ГДР работы французского историка и экономиста марксиста Ж. Сюрэ-Канала по истории Западной и Центральной Африки и английского публициста Б. Дэвидсона.

Несмотря на бесспорные успехи африканистики в последние 20 лет, по-прежнему отсутствует обстоятельный обобщающий труд по истории народов Африки, особенно в отдельные периоды до колониального раздела континента империалистами. Многолетние изыскания побудили меня сделать достоянием широкого круга читателей важнейшие моменты исторического развития народов к югу от Сахары.

Особые трудности по сей день представляет проблема периодизации общей истории народов Африки, в том числе в нашу эру. По этому вопросу нет единодушия даже среди ученых-марксистов. Правильный подход к нему требует, чтобы африканцы не рассматривались как пассивный объект чужеземных влияний, а чтобы прежде всего учитывались внутренние закономерности их общественного развития, соотносимые, разумеется, с важнейшими периодами мировой истории и качественными изменениями отдельных социально-экономических общественных формаций. При этом необходимо иметь в виду диалектическое единство этапов развития мировой истории и региональных особенностей африканских стран. Именно на основе этих общих критериев в книге выделены периоды исторического развития народов Тропической Африки от древнейших времен до империалистического раздела Африки в последней трети XIX в. К примеру, XVI век, когда западноевропейский капитализм производил экономическую и политическую подготовку к завоевательным походам и тем самым положил начало новой эпохе, не только был важной вехой в мировой истории, но и явился поворотным пунктом в жизни некоторых народов Тропической Африки.

Анализ общественного и исторического развития населения столь многих регионов и выявление в нем общих закономерностей и тенденций связаны с известными трудностями. Они усугубляются еще и тем, что страны к югу от Сахары достигли самых различных степеней прогресса. Кроме того, общественному развитию многих африканских народов несомненно присущи специфические особенности. И тем не менее можно с уверенностью утверждать, что это развитие отнюдь не происходило вне закономерного всемирно-исторического процесса смены общественно-экономических формаций. Неопровержимые исторические факты доказывают, что народы Африки, и отстававшие, и шедшие впереди, стремились и стремятся идти по пути прогресса. Путь этот длинный и трудный, но, как показывает весь опыт истории, в конечном счете он приведет к социализму также и народы Тропической Африки.

В заключение следует сделать некоторые предварительные замечания относительно источников и вспомогательных материалов, которые имеются в распоряжении африканиста.

Не будет преувеличением сказать, что и в этой области лишь в последние десять лет поднята целина и несколько раздвинута завеса, закрывавшая Черный континент. Колониалисты считали археологические находки лишь приложением к весьма прибыльной добыче железных руд и минералов. Развалины легендарного государства Мономотапа и ценнейшие памятники искусства Бенина были обнаружены или случайно, или действовавшими без всякого согласования экспедициями. После того как африканские государства достигли независимости, ассигнования на научные исследования стали более систематическими и целеустремленными.

Результаты этих исследований исключительно важны. Так, благодаря чрезвычайно интересным раскопкам Килвы (Танзания) города-государства Восточной Африки предстали в совершенно ином свете. Руины столицы древней Ганы Кумби-Сале (на юге Мавритании) оказались немymi свидетелями давно исчезнувшей африканской цивилизации. На безводных сейчас нагорьях Центральной Сахары найдены десятки тысяч прекрасных наскальных картин и фресок; эти высокохудожественные произведения реалистического искусства сообщают ценные сведения о развитой культуре Африки. Находки последнего времени позволяют уточнить представления о древнейшей и древней истории африканских народов. Поскольку сейчас научные учреждения молодых национальных государств сами организуют археологические экспедиции для раскопок центров древних цивилизаций, мы вправе ожидать, что их работы обогатят историю новыми данными.

Многие племена и народности Тропической Африки по сей день не имеют письменности. Тем не менее нам известны в общих чертах отдельные этапы их истории. При дворах правителей и вождей существовал институт сказителей, напоминавших средневековых миннезингеров. До нас дошли передававшиеся из уст в уста перечни имен правителей, хроники, героические сказания, эпические поэмы, воспевавшие подвиги и деяния правителей. В последнее время большая их часть была тщательно собрана и записана африканскими учеными и их помощниками. Сейчас они приступили к исследованию содержания этих источников, и тут немедленно выявились пределы возможностей их использования. В них тесно переплетаются вымысел и правда. История того или иного племени или народа сводится к деятельности отдельных правителей. Оставляет желать лучшего и хронология. Тем не менее африканист может и должен работать над этими устными преданиями, чтобы с помощью научного анализа превратить их в надежные источники африканской историографии.

В целом следует отметить известную скудость письменных источников для отдельных периодов и регионов. Историю некоторых народов можно подчас довольно точно воссоздать на основании как сообщений арабских путешественников, так и оставленных самими этими народами письменных свидетельств, но при исследовании прошлого других народностей приходится довольствоваться немногочисленными сведениями, иногда даже косвенными. Кроме того, они обычно неоправданно часто касаются событий политической жизни, тогда как экономические и социальные отношения отражены в них очень плохо.

Первые письменные свидетельства о Тропической Африке содержатся в реляциях египетских военачальников. Далее следуют сведения, полученные карфагенянами, греками и римлянами во время путешествий, военных походов и торговых экспедиций. Однако эти данные, дошедшие от периода античности, весьма скромны и носят случайный характер.

Только арабские историки периода, соответствующего европейскому средневековью, уделили наконец должное внимание областям к югу от Сахары, которые тогда стали широко известны благодаря многочисленным экспедициям и путешествиям, а также оживленным торговым связям. Рассказы арабских путешественников, хронистов, географов и историков, и прежде всего описания путешествий ал-Масуди, ал-Бакри, ал-Идриси, Ибн Батуты, Льва Африканского, содержат ценную информацию. Они были дополнены начиная с XVI в. первыми записями на местах в государствах западной и центральной зон Судана (имеется в виду вся полоса Сахеля, которая тянется с запада на восток к югу от Сахары и не совпадает с территорией современного Судана). Серьезные пробелы в наших знаниях были позднее устранены мусульманскими учеными крупных торговых центров государства Сонгай – Томбукту, Гао и Дженне, – писавшими хроники по-прежнему на арабском языке. Сведения об истории народов Западной Африки содержатся и в записях, которые делались в городах-государствах хауса в Северной Нигерии, и в письменных документах начального периода государств фульбе и тукулёров в XVIII и начале XIX в., найденных и опубликованных только в последнее время. Из них лишь незначительная часть написана на арабском языке.

О жизни восточноафриканских городов-государств сообщают несколько местных хронистов. Они писали сначала по-арабски, позднее на суахили и пользовались своей собственной системой письма, восходящей к арабской письменности.

Наиболее древние письменные данные мы черпаем также из памятников царств Мероэ и Аксум (см. гл. II). В средние века их традиции нашли успешное продолжение в летописании и церковной историографии Эфиопии.

На рубеже XV и XVI вв., когда португальские мореплаватели открыли путь вокруг Африки и основали многочисленные опорные пункты колонизации, появились первые подробные отчеты европейцев, рассказы об их путешествиях и исторические сочинения. От этого начального периода колониальных предприятий дошли красочные описания, ярко рисующие жизнь в Бенине и других приморских областях Западной Африки, в древнем государстве Конго, а более всего – в Восточной и Центральной Африке. По словам Барруша, Барбосы, Баррето, Кастаньозу, Алькасовы и Даппера, они, к своему великому удивлению, увидели здесь высокоразвитые государства с крупными торговыми центрами, где жизнь была ключом. В первое время португальцы еще довольно объективно и деловито записывали свои впечатления. Но когда мечты завоевателей о сказочных богатствах натолкнулись на противодействие населения Африки, их рассказы – и чем дальше, тем больше, – начали уснащаться клеветническими вымыслами.

В XIX в. Африканский континент стал заветной целью исследователей, путешественников и миссионеров. Из-под пера членов различных экспедиций, купцов и посланцев церкви, которые прямо или косвенно подготавливали капиталистические завоевания, вышло множество заметок о геологии, географии, экономике и климате африканских стран (ср. гл. V, 7). Они оставили нам и подробные историко-этнографические очерки общественного развития некоторых народов Африки. Хотя авторы этих работ, например, известный Генрих Барт в середине XIX в., не могли скрыть, что действуют по поручению или по инициативе колонизаторов, они часто стремились к подлинно научным исследованиям и признавали исторические и культурные достижения неевропейских народов. Однако их труды очень скоро были забыты в Европе, в последней трети XIX в. на область к югу от Сахары навесили ярлык Черного континента и отказали ей в способности к историческому прогрессу. В соответствии с этой точкой зрения многие свидетельства культуры и устные предания африканских народов отрицались или приписывались влиянию иноземных культуртрегеров. В конце концов расистские теории апологетов колониализма восторжествовали и стали тормозить любые научные исследования, в том числе изучение истории и общественного развития народов Африки.

Это еще более обязывает всех ученых-марксистов совместно с прогрессивными африканскими историками воссоздать и правильно оценить на основе фундаментальных исследований историю народов Африки, фальсифицированную апологетами империализма и колониализма.

Глава I. Является ли Африка колыбелью человечества? Тенденции развития древнейшей и древней истории

По-видимому, первые на земле люди появились на Африканском континенте, поэтому он занимает совершенно особое место в изучении всей истории человечества, и истории древнейших и древних периодов нашей цивилизации в частности. Открытия последних лет в Южной и Юго-Восточной Африке (Стеркфонтейн Таунг, Брокен-Хилл, Флорисбад, Кейп-Флэтс и т. д.), в Сахаре, особенно же в Восточной Африке показали, что прошлое человечества исчисляется миллионами лет. В 1924 г. Р. А. Дарт нашел в Южной Африке остатки австралопитеков (человекообезьян), чей возраст насчитывает примерно миллион лет. Но проф. Л. Лики, впоследствии его сын и жена после продолжительных и трудных раскопок на территории Кении и Танзании – в ущелье Олдувай к югу от озера Виктория и в районе Кооби-Фора и Илерет (1968), а также вблизи погребения Лаэтлил в Серенгети (1976), – нашли костные остатки, возраст которых оценивается уже от 1,8 до 2,6 миллиона, а в Лаэтлиле – даже в 3,7 миллиона лет.

Установлено, что только на Африканском континенте обнаружены костные остатки, представляющие все ступени развития человека, чем, очевидно, подтверждается на основе новейших антропологических и палеонтологических данных эволюционное учение Дарвина, который считал Африку «прародиной человечества». В Олдувайском ущелье в Восточной Африке мы находим остатки представителей всех этапов эволюции, предшествовавших возникновению *Homo sapiens*. Они эволюционировали (частью параллельно и не всегда получая дальнейшее развитие) от австралопитека к *Homo habilis*, а затем к последнему звену эволюционной цепочки – неантропу. Пример Восточной Африки доказывает, что формирование *Homo sapiens* могло происходить самыми различными путями и что далеко не все они изучены.

Климатические изменения, наступившие в четвертичном периоде и длившиеся больше миллиона лет, особенно три больших плейстоценовых (влажных) периода, оказали большое влияние на Африку и превратили области, ныне являющиеся пустынями, в саванны, где с успехом охотились доисторические люди. Связанные с плейстоценовыми смещения и изменения уровня вод могут быть использованы в числе других методов для датировки первобытных находок. Уже среди археологических материалов, относящихся к первым плейстоценовым периодам, наряду с костными остатками прачеловека найдены первые каменные, вернее, галечные орудия труда. На территории Европы подобные им изделия появились значительно позднее – только во время межледниковых периодов.

Находки древнейших галечных и каменных орудий олдувайской и стелленбошской культур, равно как и датированных началом верхнего палеолита (около 50 тысяч лет назад) многочисленных остатков толстых и тонких обработанных нуклеусов и рубил с черенком, обнаруженных теперь уже во многих районах Магриба (атер, капсий), Сахары, Южной Африки (фаурсмит), Восточной Африки и бассейна Конго (Заир), свидетельствуют о развитии и успехах ранне- и позднепалеолитических людей на африканской земле (*Олдувайская культура (названа по ущелью Олдувай в Танзании, где в 1959 г. были открыты первые ее памятники) – древнейшая из археологических культур; датируется временем от 2,5 млн до 600 тыс. лет назад. Культура стелленбош (по названию поселка в Южной Африке) примерно соответствует нижне- и верхне-ашельской стадиям нижнего палеолита. Датировка – от 500 тыс. до 60 тыс. лет назад. Фаурсмит – среднепалеолитическая культура в Южной Африке, датируемая промежутком между 60 тыс. и 40 тыс. лет назад. Атер и капсий (соответственно Восточное Марокко и Тунис с Восточным Алжиром) – культуры среднего каменного века; датируются: атер – от 30 тыс. до 19 тыс. лет назад, капсий – от 10 тыс. до 6500 лет назад. – *Здесь и далее звездочкой обозначены примечания*

ния ответственного редактора Л. Е. Куббеля). Огромное количество усовершенствованных каменных орудий и наскальных изображений, относящихся к мезолиту (среднему каменному веку), говорит о значительном росте населения и высоком уровне доисторической культуры в определенных областях Африки начиная с X тысячелетия до н. э. Культуры лупембе и читоле в бассейне Конго, а также мезолитические центры в Северо-Восточной Анголе, в некоторых районах Уганды, Замбии, Зимбабве и на северном побережье Гвинейского залива представляют важный этап дальнейшего прогресса культуры. Люди лупембской культуры умели делать долота и полые предметы, остроконечники со сбитой спинкой и каменные листовидные наконечники для копий и орудий типа кинжала, которые выдерживают сравнение с лучшими каменными наконечниками, найденными на территории Европы.

Для капсийской культуры на территории Кении – примерно V тысячелетие до н. э. (*кенийский вариант капсийской культуры относится примерно к VI–V (по другим датировкам – к VIII–V) тысячелетиям до н. э.) – типичны высокая техника обработки резцов, употребление керамики и изящных сосудов из хорошо обработанного камня. В это же время единичные керамические изделия появляются в отдельных районах Зимбабве, Юго-Западной Африки и Капской провинции (культура уилтон). Носители этой цивилизации по-прежнему занимались охотой и целенаправленным собирательством, но одновременно впервые в истории важной отраслью хозяйства становится рыболовство, которое привело к увеличению оседлости населения, особенно в некоторых приморских районах. Уже в период мезолита высокого развития достигло наскальное изобразительное искусство в виде рельефов и росписей на темы охоты. Во многих областях Африки – в Магрибе, Сахаре, долине Нила, Нубии, в Восточном Судане, Эфиопии, Восточной Африке, в центральном бассейне Конго (Заир) и в Южной Африке – сохранились прекрасные наскальные изображения, на которых показаны чаще всего дикие животные степей и саванн, а также люди на охоте, во время танцев и при исполнении культовых церемоний. С наступлением неолита наскальное изобразительное искусство продолжало развиваться, и частично его традиции дожили до нового времени.

Сейчас историки и археологи уже имеют более четкое представление о непосредственно доисторическом периоде истории Африки (неолит). В это время возникли новые отрасли хозяйства – земледелие и скотоводство. Благодаря применению более совершенных технических приемов, например, шлифовки, неолитические люди могли более искусно придавать камню необходимые формы. В результате появилось много каменных изделий, неизвестных ранее или известных лишь в зачаточном виде. Лук и стрелы были усовершенствованы, и это облегчило охоту. Появление просверленных и полированных изделий, изобретение и усовершенствование гончарства, более широкое распространение керамики – все эти достижения резко отделяют неолит от предшествующих периодов, когда человек жил преимущественно охотой. Теперь основой его существования становятся земледелие и скотоводство. Естественно, от этого периода дошли первые признаки того, что оседлый образ жизни стал массовым. Люди уже строили себе хижины; несколько хижин составляли поселения.

Переход от охоты, собирания растений и эпизодической рыбной ловли как единственных источников пищи к земледелию и разведению домашнего скота был важнейшим шагом вперед. Общий подъем производительных сил в период неолита явился базой для развития новых форм общественного устройства. Суть изменений состояла в том, что укрепились структура родовой общины и связи между отдельными коллективами такого типа. Повсеместно возникали племена, которые представляли собой высшую ступень организации родового общества, складывавшегося еще в недрах позднего палеолита на основе кровнородственных связей. Производство и присвоение его продуктов по-прежнему носили общественный характер, сохранялась и общественная собственность на важнейшие средства производства. Индивидуальное присвоение и личная собственность на орудия труда имели очень ограниченное распространение.

В некоторых местностях Африки использование жерновов и керамики, тесно связанных с переходом бывших охотников к оседлому образу жизни, началось раньше, чем в Европе.

Конечно, развитие не было процессом равномерным и порождало множество переходных форм. Часть племен даже в период зрелого неолита продолжала вести жизнь охотников и рыбаков. Эти племена жили в более или менее неблагоприятных условиях, затруднявших переход к новым формам хозяйственной деятельности. В то же время особенно благоприятные условия сложились в долине Нила, в районах шоттов Северной Африки (*шотт – впадина, заполненная соленой водой, соляное болото в странах Северной Африки к югу от прибрежных хребтов Атласа), например, Тунисе и Алжире, а также в Сахаре той эпохи. Именно различием природных условий объясняется огромный хронологический разрыв в датировке неолита.

Как будет видно из описания важнейших находок, ярко выраженная неолитическая культура и земледельческие поселения были присущи Египту уже в V тысячелетии до н. э., Северной Африке – в IV, а к югу от Сахары типично неолитические находки относятся как к I тысячелетию до н. э., так и к I тысячелетию н. э. В этом регионе развитие различных неолитических культур земледельцев и скотоводов продолжалось на протяжении нескольких тысячелетий, и они частично впитали, а частично уничтожили или вытеснили более древние культуры охотников и собирателей. В некоторых областях к югу от Сахары сохранялась техника обработки камня, сложившаяся в конце гемблия, т. е. в XII–X тысячелетиях до н. э. (*гемблий – последний из африканских плувиалов, т. е. периодов повышенной влажности климата. Хронологически примерно совпадает с последним, вюрмским, оледенением в Европе; окончание вюрма датируют около 12 тыс. лет назад), и так и не был сделан решающий шаг к неолиту. Для многих районов Южной Африки типичен пример боскопойдных бушменов. Это охотники и собиратели, происходящие по прямой линии от первобытного человека и не вышедшие из стадии мезолита. Их историческое развитие зашло в тупик и отчасти приостановилось. Бушмены прославились десятками тысяч принадлежащих им наскальных изображений, свидетельствующих о высокоразвитой охотничьей культуре. Напротив, в других областях Африки в результате исключительно благоприятного стечения обстоятельств, в том числе хороших природных условий, обнаруживается ускоренное развитие.

Особенно досконально изучены неолитические культуры Египта. Периодические наводнения и последующие отложения ила сделали долину Нила на редкость плодородной. При раскопках в Среднем Египте, в частности, в Дейр-Таса, наряду с костными остатками был найден богатый археологический материал, из которого можно заключить, что население Египта в период неолита, кое-где даже с VI тысячелетия до н. э., помимо охоты и рыболовства занималось земледелием или по крайней мере собирало дикорастущие злаки. Были найдены полированные топоры, небольшие костяные гарпуны и множество примитивных глиняных изделий. С помощью достаточно надежного радиоуглеродного метода удалось точно датировать находки с берегов Фаюмского озера, и большой впадины в Северном Египте (4500–4000 гг. до н. э.). Жители Фаюма занимались охотой, рыболовством, земледелием и скотоводством. Они сеяли пшеницу-однозернянку, ячмень и лен, знали примитивную ирригацию. Здесь были найдены деревянные серпы с кремневыми вкладышами. На охоте и на войне жители пользовались луком со стрелами и боевыми булавами. Им были известны гончарное дело и плетение. Одежду они делали из тканей и шкур. В Египте обнаружено много других поселений неолитического периода (культуры эль-омари, амратская и бадарийская).

Последней неолитической культурой, предшествовавшей исторической эпохе Египта, была герзейская (Негада II, к северу от Фив) с характерными для нее более совершенными формами домашней утвари, орудий труда, керамики. Здесь, в Верхнем Египте, самые лучшие образцы сохранились в огромном некрополе, насчитывающем более 3 тысяч захоронений. Еще применявшиеся тогда каменные орудия – мотыги, серпы, жернова, – отличались высоким качеством обработки и сохранили свой прежний облик и в исторический период. Подлинного

совершенства достигла обработка кремня. Наряду с кремневыми топорами в Верхнем Египте появились изделия из меди (правда, впервые и скорее всего как побочный продукт), но каменные орудия по-прежнему составляли основу инвентаря египетских земледельцев. Вся материальная культура быстро развивалась и достигла исключительного богатства форм. Активизировался обмен продуктами труда. Это повлекло за собой дифференциацию общества, и между 3500 и 3000 гг. до н. э. возникла древнеегипетская деспотия, опиравшаяся на первые государственные образования. Появились знаки-изображения (иероглифы) – первая форма письменности.

Необходимость и возможность строительства оросительных сооружений в долине Нила и регулирование их действия ускорили процесс объединения отдельных номов (областей) Египта и применение государственных средств принуждения. Мы, правда, не располагаем прямыми данными об организации оросительных работ в этот период складывавшегося древнеегипетского государства, но нет сомнений, что высшее руководство было сосредоточено в руках главы государства – царя, которого почитали как бога (*как показал советский египтолог акад. М. А. Коростовцев, древнеегипетского царя следует рассматривать не как „подлинного бога“, а скорее „богочеловека“, приближенного к богам обстоятельствами своего рождения» (см.: М. А. Коростовцев. Религия Древнего Египта. М., 1976, с. 153–154)). Неудивительно, что Египет сравнительно быстро перешагнул порог неолита. Более широкое применение металлов, присвоение узкой верхушкой родовой аристократии и жрецов во главе с семьей номарха все возрастающей доли прибавочного продукта, зарождение отношений эксплуатации и зависимости одного человека от другого – все это ускоряло экономическую и социальную дифференциацию и разделение общества на классы. Впоследствии в богатой событиями истории Египта сложилось в специфической форме раннеклассовое общество, столь типичное для древнего Востока.

С помощью радиоуглеродного метода удалось датировать многочисленные неолитические поселения III–II тысячелетия до н. э., обнаруженные в ныне труднодоступной или вовсе необитаемой пустыне. Экспедиция фирмы «Берлие», работавшая с 1959 по 1961 г. к востоку от Аира в области Тенере (Республика Нигер), раскопала селения людей, которые жили на берегах больших озер и, подобно додинастическим египтянам, добывали пропитание охотой, рыболовством и частично земледелием. Один из участников экспедиции писал: «В глубине эрга (песчаной пустыни), в Тенере, я обнаружил следы стоянок древних рыбаков: большие груды рыбных костей (они заняли несколько двухколесных тележек), скелеты гиппопотамов и слонов, каменные орудия. В пятистах километрах к югу, на границе Сахары и Судана, я нашел еще добрый десяток стоянок. Тут были кучи рыбных костей, черепашьи панцири, раковины моллюсков, кости гиппопотамов, жирафов и антилоп, среди которых лежали человеческие скелеты»².

В последние годы очень ценные археологические материалы выявлены и на территории Республики Судан, где некогда находилась древняя Нубия. Открытие наиболее ранних из них связано с именем Э. Дж. Аркелла. При раскопках близ Хартума им были обнаружены следы неолитических поселений. Найдены просверленные кремневые топоры, напоминающие находки из Тенере и Фаюма, костяные орудия труда, остатки плетеных корзин со следами злаков. При датировке эти селения были отнесены к первой половине IV тысячелетия до н. э. В этих же пластах обнаружены части костяков и черепов людей явно негроидного типа – еще одно доказательство того, что уже в столь отдаленный период на земле Африки сложились основные антропологические типы. Дальнейшие находки на территории Нубии были разделены на культуры А, В, С и датированы. В период культуры С (2400–1600 гг. до н. э.) население Нубии отражало нападения египтян. Относящиеся к этому времени находки – каменное

² А. Лот. В поисках фресок Тассили. М., 1962, с. 21–22.

оружие, богатая керамика, украшения из меди и бронзы, а также ценные каменные топоры – показывают, что в Нубии, как и в Египте, возникли первые центры обработки металлов.

Неолит широко представлен также по всей Северной Африке и в Сахаре. Во вскрытых здесь культурных слоях залежали полированные каменные топоры, булавы, зернотерки и остатки глиняных сосудов. Орудия и целые селения периода неолита открыты в зоне Атласа, где люди жили в пещерах. На их стенах остались интересные рисунки, например, в районе Орана (Алжир). Извлеченные на поверхность земли орудия труда позволяют заключить, что в Северной Африке уже в глубокой древности расселялись племена скотоводов и земледельцев.

В период между VIII и III тысячелетиями в Сахаре был исключительно хороший климат. Обильное выпадение осадков создавало благоприятные условия для скотоводства, охоты и отчасти земледелия. Сахарские саванны, области вокруг озер и рек притягивали из болотистых местностей Судана, района озера Чад и гор Магриба многочисленные народы, находившиеся на стадии палеолита или мезолита. Так, во многих частях Сахары сложился неолит, носители которого были охотниками, пастухами, рыбаками и земледельцами. От них дошли отличающиеся особой прелестью наскальные рисунки и фрески, из которых мы черпаем важные сведения об образе жизни населения этого района в период мезолита.

Всемирную известность получили открытия французского исследователя А. Лота в горах Тассили (Ахаггар) в Южном Алжире и итальянца Ф. Мори в Феццане (Ливия). Эти и другие ученые открыли на почти безводных сейчас возвышенностях Центральной Сахары и в горах Атласа десятки тысяч рисунков, которые не только являются важным свидетельством прошлого, но и поражают своими высокими художественными достоинствами. Росписи, фрески, высеченные на скалах рельефы представляют собой творения развитого реалистического искусства. Более поздние из них несколько стилизованы. Древнейшие изображения животных – слонов, носорогов, бегемотов, жирафов, львов и других хищников – датируются примерно X–VIII тысячелетиями. Изображения людей, часто со звериными головами (позднее многочисленные фигурки едва намечены тонкими линиями или даже штрихами), в сочетании со сценами охоты или исполнения культовых церемоний отражают весьма развитую деятельность мезолитических охотников. В этом до некоторой степени сказывается влияние традиций североафриканской капсийской культуры.

Реалистическая живопись, в которой на первых порах преобладали контурные изображения, с течением времени становилась все более стилизованной и абстрактной и приобретала черты, характерные для пластики. Содержание картин говорит о том, что с IV тысячелетия в этих горных областях, а также на бескрайних просторах Сахары основой экономики стало разведение скота с длинными и короткими рогами. На прекрасных цветных фресках мы видим быков с закрученными рогами. Однако и охота на диких животных, которые водились здесь в изобилии, не утратила своего значения. Наскальная живопись дополняет наши представления о различных периодах и ступенях развития неолита в густонаселенной Сахаре, где рыбакам и земледельцам, жившим в саванне, близ многочисленных озер и рек, принадлежала не меньшая роль, чем скотоводам, кочевавшим со своими стадами по пригодным для выпаса скота районам. А. Лот насчитал на юге Ахаггара, у подножия плато Ин-Геззам, около 80 доисторических поселений.

Но прежде всего грандиозные наскальные росписи убеждают в том, что в это время (IV–I тысячелетия до н. э.) в основе своей сложились главные антропологические типы африканского населения, и именно на земле самой Африки. Эти данные исследователя решительно опровергают легенды, особенно энергично распространяемые апологетами колониализма, будто все важнейшие достижения культуры, определяющие общественное развитие, были привнесены в Африку извне. Научно не обоснованные расистские теории проникновения чужеземных культур послужили питательной средой для создания целых систем, делящих африканцев на «высшие» и «низшие» группы. Между тем по сохранившимся костным остаткам человека можно

установить, что уже в период мезолита существовали серьезные различия антропологических форм. Костные остатки периода неолита нетрудно классифицировать по различным антропологическим признакам. К этому времени наряду с формированием основных антропологических типов произошла ярко выраженная расовая дифференциация. Скорее всего, с эпохи неолита начали складываться и многие из современных языковых семей. Наскальная живопись всей силой реалистического искусства убеждает в том, что в период влажности в Сахаре были более или менее широко представлены все антропологические типы населения, впоследствии возобладавшие на Африканском континенте. Их отличительные признаки отчасти отражают различия в способах добывания пищи.

Уже на ранних древнеегипетских памятниках III тысячелетия до н. э., как и на наскальных рисунках, открытых Мори в Феццане, фигурируют высокие светлокожие люди. Эти скотоводы, кочевавшие по Сахаре и Северной Африке, стали носителями берберско-ливийских диалектов, которые наряду с египетским и коптским языками относятся к семито-хамитской семье языков (*в последнее время в советской литературе вместо определения «семито-хамитская» принято определение «афразийская» семья языков.). И по своему антропологическому типу, и по языку они явились предками многочисленных берберских и ливийских племен Присредиземноморья, туарегов, живущих на центральных нагорьях Сахары (Тассили, Ахаггар, Адрар, Аир) и фульбе Западного Судана. В саваннах и на плоскогорьях Северо-Восточной Африки, в верховьях Голубого Нила вплоть до зоны неолита с капсийской традицией Кении обитали племена и роды охотников, частично оседлые, но главным образом пастушеские, которые следует отнести к эфиопско-кавказоидному антропологическому типу. Они были распространены в огромных районах Восточной Африки и говорили на кушитских языках. В очень близком родстве с ними по антропологическим признакам и отчасти по языку находились многие племена скотоводов, населявшие впоследствии Сомали, Эфиопию и восточноафриканское побережье.

Однако в это же время – в начале неолита – и в Сахаре, и на территории Судана обитали оседлые земледельцы негроидного типа. А. Лот сообщает о рисунках-масках в горах Тассили, обладающих бесспорным сходством с рисунками сенуфо Берега Слоновой Кости, относящимися к более позднему периоду. Безусловно, образование главных антропологических типов и языковых групп в районах Сахары и Судана, а также в других центрах эпохи неолита в Тропической Африке дает исключительно много материала для важных исторических заключений, если только отвлечься от буржуазно-апологетических теорий о расовом превосходстве.

Геологический процесс высыхания Сахары, начавшийся в III–II тысячелетиях до н. э., положил конец влажному периоду неолита и, естественно, повлек за собой ряд серьезных изменений. Правда, через Сахару по-прежнему осуществлялись многочисленные контакты, а в конце I тысячелетия н. э. были даже вновь установлены торговые связи Северной Африки с государствами Западного и Центрального Судана. Но образование необитаемого в основном пояса пустынь, где только в окраинных районах изредка прогоняли свои стада кочующие скотоводы, привело к тому, что экономическое, культурное и политическое развитие народов Северной Африки с одной стороны и населения Тропической Африки с другой происходило отныне в различных направлениях. Во II тысячелетии до н. э. Сахара была хотя бы частично заселена, однако в I тысячелетии произошли большие перемещения населения. Светлокожие скотоводы-кочевники продвинулись в северные и восточные области или нашли пастбища для своих стад в саваннах на юге, а земледельческое негроидное население отступило на территорию Западного Судана. Только незначительная его часть по-прежнему жила в оазисах Сахары.

В это время начались переселения народов «банту», которые вызвали множество противоречивых предположений, в тех или иных вариантах проникших в науку. Сейчас невозможно точно установить детальные маршруты многочисленных племен и вызвавшие эти переселения причины. Много еще требует выяснения. Бесспорно, однако, что начиная с периода неолита и использования металлов население некоторых центров резко возросло и постепенно распро-

стрилось по всему континенту. Часть исследователей считают причиной таких перемещений, происходивших с I тысячелетия до н. э. до позднего средневековья обычно в направлении с севера на юг, относительную перенаселенность отдельных местностей, которая неизменно толкала к поискам новых участков для земледелия, скотоводства, рыболовства и охоты. Для Тропической Африки большое значение имеет еще одно обстоятельство: там в избытке имела земля, пригодная для возделывания, поэтому часто отсутствовали стимулы для введения интенсивных методов земледелия и других способов добывания пропитания, которые в Египте, на Среднем Востоке и в Индии вынуждали население жаться к долинам рек и к орошительным системам.

Возможно, переселения народностей Тропической Африки были вызваны сильным притоком негроидных обитателей Сахары, находившихся на стадии неолита, в зону Западного Судана, где они смешивались с местными жителями. Большие людские потоки двигались также из центров неолитической культуры, сложившихся на территории Северной Нигерии, Камеруна, в районе озера Чад, нынешних республик Конго и Заир, и в конце концов в движение пришел весь континент, что привело к распространению на больших пространствах важнейших пищевых растений, например, проса и одного из сортов риса, к внедрению новых методов земледелия, усиленной добыче железной руды и более широкому применению металлов.

При попытках объяснить эти явления следует решительно отказаться от укоренившихся в буржуазной литературе розысков прародин «протобанту», часто используемых в качестве *dues ex machina* для всего общественного развития Африканского континента к югу от Сахары. В этих теориях не учитывается, что «банту» – чисто лингвистический термин для обозначения относительной общности, предполагающей тесное родство примерно 350 языков и диалектов банту в Центральной, Восточной и Южной Африке. Переносить это лингвистическое понятие на антропологические и культурные характеристики недопустимо и ненаучно. Племена и народы этой языковой семьи имеют довольно существенные антропологические различия, находятся на разных ступенях общественного и культурного развития и обладают особенностями, которые отражают процессы слияния в результате переселения народов (*миграция предков современных бантуязычных народов, конечно, не была главной причиной сложения тех или иных форм общественной организации в субсахарской Африке – и об этом вполне справедливо пишет Т. Бюттнер. Однако эта миграция из какого-то центра, располагавшегося где-то около экватора – то ли в нынешних Камеруне и Нигерии, то ли в районе заирской провинции Шаба (бывшая Катанга), – сыграла все же заметную роль в культурной и этнической истории населения той части Африканского материка, которая расположена к югу от экватора).

После продолжительных, часто перекрещивавшихся передвижений в I тысячелетии н. э. области Камеруна, бассейны Убанги и Шари, Северная и Центральная Катанга, территория будущего государства Конго и восточноафриканское побережье до Замбези (Замбия, Мозамбик) выделились в качестве региональных центров бантуязычного населения.

Об этом свидетельствуют раскопки захоронений на берегу озера Кисале в Катанге (*ныне провинция Шаба (Заир)), относящихся к VIII и IX вв. н. э. Арабские путешественники оставили достоверные сообщения о том, что говорящие на языках банту племена в VII и VIII вв. н. э. достигли восточных берегов великих восточноафриканских озер и в последующие столетия продвинулись на территорию Южной Родезии. Племена и народы, заселявшие здесь огромные территории, под давлением пришельцев откатились в Центральную и Южную Африку и вытеснили обитателей этих местностей, в основном охотников и собирателей, находившихся еще на стадии позднего палеолита. В девственных лесах Центральной Африки и на берегах Конго обитали предки современных пигмеев. На всей территории Южной Африки жили охотники и собиратели «бушбоскопоидного» типа, потомки боскопского ископаемого человека древности. Как показывают последние исследования, не исключено, что они населяли даже некоторые районы Восточной Африки и здесь вступали в контакт со скотоводами-кочевниками

эфиопско-кавказоидного типа. Правда, многие из этих племен, предков бушменов и готтентотов, говорившие в пору их самостоятельности на койсанских языках (*койсанские языки – традиционное, хотя и неточное, обозначение языков древнейших из современных обитателей Южной Африки – бушменов и готтентотов. До сравнительно недавнего времени в литературе было распространено преувеличенное представление о близости языков этих народов.), были в конечном счете ассимилированы или вытеснены.

Другим очень древним центром интенсивного заселения явился район Нигерии. На высокогорном плато Центральной Нигерии, близ Джоса, на территории плоскогорья Баучи, до южной границы среднего течения реки Бенуэ, были найдены палеолитические орудия, сделанные, по мнению Б. Фэгга, около 40 тысяч лет назад. Судя по некоторым признакам, отдельные слои могут засвидетельствовать пребывание человека в этой местности начиная с палеолита вплоть до среднего и позднего неолита. Около деревни Нок в окрестностях Зарии были обнаружены следы высокоразвитого неолита. При повторном вводе в эксплуатацию оловянных рудников Джоса английские горные инженеры, а вслед за ними и археологи нашли остатки неолитического поселения оседлых земледельцев, которые хорошо знали гончарное дело. От них остались изображения большой художественной ценности. Среди находок преобладали терракотовые фигурки, изображающие людей негроидного типа, головы слонов, сидящих на корточках обезьян. Больше всего привлекали к себе внимание своеобразно стилизованные головы и бюсты из терракоты в натуральную величину. Тот же английский археолог Б. Фэгг раскопал большое число таких фигурок культуры нок на территории прилегающего района, где они были рассеяны в радиусе около 45 километров. Вероятно, первоначально они были распространены далеко за пределами Центральной Нигерии.

Наибольшее значение имело открытие, что у частично стилизованных натуралистических фигурок из терракоты много общего с более поздним искусством Ифе (XIV–XVI вв.) в Южной Нигерии и они являются предтечей не только этого направления, которое специалисты считают «классическим» в африканском искусстве, но и более поздней африканской скульптуры. Б. Фэгг отмечает, что терракотовые статуэтки из Ифе мало чем отличаются от произведений культуры нок – только треугольным разрезом глаз и «длинноухими» головами. В остальном же, и в технических приемах, и в формах, наблюдается удивительно большое сходство. Эти выводы помогли опровергнуть многие апологетические теории, утверждавшие, что негроидное население не создало собственной традиционной антропоморфной скульптуры. Как и сенсационные открытия А. Лота в Сахаре, где коренное африканское население эфиопско-кавказоидного и негроидного типов уже в IV тысячелетии до н. э. умело создавать прекрасные реалистические изображения мужчин и женщин, найденные в Центральной Нигерии глиняные головы и статуэтки I тысячелетия до н. э. имели большое значение для критики ненаучных теорий. Они послужили как бы трамплином для открытия заново исторического прошлого Африки, которое предпринимает сейчас прогрессивная историография молодых национальных государств вопреки теориям и противодействию колониалистов и неоколониалистов. С помощью радиоуглеродного метода установлено, что самые древние слои неолитического центра, откуда вышли фигурки нок, датируются примерно 900 г. до н. э., а верхняя граница – 200 г. н. э.

Интересно и то, что фигурки найдены в оловянных рудниках. Наряду со статуэтками и сосудами из терракоты здесь обнаружены железные кирки, остатки плавильных печей и воздуходувных мехов, железные шлаки. Таким образом, рудники, заложенные, вероятно, еще в I тысячелетии до н. э., говорят о том, что в последние века до нашей эры в Тропической Африке умели добывать и обрабатывать железо. В Центральной Нигерии чаще всего встречается латеритовая (*латерит – железистые или железисто-алюминиевые породы, образующиеся только в тропических областях земного шара главным образом под влиянием дождевой эрозии.) руда, легко добываемая и плавящаяся при исключительно низкой температуре. Хотя

жители этих районов довольно рано научились обрабатывать бронзу, железо они добывали еще раньше. Бэзил Дэвидсон справедливо отмечает по этому поводу, что культура нок была переходной от позднего каменного века к веку металлов и что пик ее расцвета приходится на последние два или три столетия до нашей эры (*последние данные археологических работ в Северной Нигерии заставляют отнести культуру нок полностью к железному веку (см., например: Дж. Д. Кларк. Доисторическая Африка. М., 1977, с. 205–206)). Но еще долго каменные и металлические орудия применялись параллельно, предвзято многовековой процесс перехода к применению железа и других металлов, а следовательно, и образование государств на основе раннеклассового общества.

Центры неолитической цивилизации были обнаружены наряду с Центральной Нигерией прежде всего в бассейне Конго, в Замбии и Зимбабве, в различных областях Западной Африки, на юге Мавритании, в Гвинее, в бассейне Сенегала, а также на берегах озера Чад. Население этих районов перешло к земледелию и применяло каменные и железные орудия, что с I тысячелетия н. э. постепенно повлекло за собой образование к югу от Сахары процветающих государств.

Хотя в последние годы исследование древнейшей и древней истории Африки достигло несомненных успехов, изучение взаимодействия неолитических культур во времени и пространстве делает лишь первые шаги, и пока мы располагаем весьма неполной и неточной картиной их распространения.

При попытках восстановить события этих периодов можно опереться на первые упоминания об Африке, появляющиеся в письменных источниках со второй половины II тысячелетия до н. э. а особенно ценные сведения сообщают египетские, а позднее греческие и римские надписи.

Первые данные такого рода содержатся в победных реляциях египтян. В конце II тысячелетия до н. э. к границам Египта подступали огромные скопления кочевых и полукочевых племен. Расширение пустыни постепенно лишало их пастбищ и полей. То и дело вспыхивали войны; оазисы и другие плодородные орошаемые земли непрерывно подвергались нападениям. Рамсес II украсил стены храма в Мединет-Абу рельефами и надписями о своих победах над врагами, среди которых преобладали народы и племена Ливии и Феццана. В это время (ок. 1000 г. до н. э.), когда Нубия еще подчинялась власти египтян, в египетских источниках часто упоминается «страна Пунт» – страна золота и благовоний. Где она находилась, до сих пор не установлено окончательно, известно лишь, что она включала области к юго-востоку от Нубии, простиравшиеся до Красного моря, и платила Египту дань золотом, слоновой костью и миррой. Известно также, что царица Хатшепсут (ок. 1501–1480 гг. до н. э.) посылала экспедиции в Пунт. Оттуда египетские корабли доходили до восточного побережья Африки.

Из рассказов карфагенян, греков и римлян о военных, торговых и исследовательских экспедициях можно черпать многочисленные сведения о географии Африканского континента, но они мало что сообщают о населении даже береговой полосы, наиболее часто посещаемой, и вообще о глубинных районах. Карта, составленная великим греческим географом (*имеется в виду александрийский ученый Клавдий Птолемей (ум. в 168 г. н. э.), автор руководства по географии, карты которого подводят итог знаниям античности и эллинизма об Африке.), показывает, что более или менее были известны наряду со средиземноморским побережьем и долиной Нила восточный берег Африки до мыса Делгаду и западный – до Гвинейского залива. Однако и эти знания частично основывались на легендах.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. западная часть побережья Северной Африки была усеяна поселениями и торговыми факториями финикийцев, центром которых служил Карфаген. Их было сравнительно много до Могадора (Марокко), но дальше на юг располагались только периодически посещавшиеся торговые пункты и маленькие фактории, ведущие обменные операции с населением прибрежных районов. Геродот (484–425) и греческий гео-

граф Псевдо-Скилак, живший в IV в. до н. э., сообщают о так называемом немом, или тихом, торге (*речь идет о такой форме торгового обмена, при которой его участники непосредственно не встречаются. Пришельцы оставляют свои товары в определенном традицией месте, с тем чтобы контрагенты могли положить рядом с этими товарами соответствующий, по их мнению, эквивалент в виде золотого песка. «Немой» торг отмечен не только в Африке, но и в ряде других районов земного шара) с жителями северной части западноафриканского побережья. В обмен на золото, очень рано фигурирующее в коммерческих операциях, населению Западной Африки предлагали такие предметы роскоши, как благовония, драгоценные камни из Египта, керамические изделия из Афин и другие товары.

Заслуживающие доверия источники, в том числе Страбон (География, III, 326), сообщают что в V в. до н. э. (ок. 470 г.) карфагенянин Ганнон прошел через Геркулесовы Столбы (Гибралтарский пролив) и совершил плавание вдоль северной части Западной Африки. Ему было поручено пополнить новыми людьми персонал пунических торговых факторий и разведать возможности торговли с южным районом этого берега. Путешествие привело его к побережью Камеруна. Упоминаемые огненные потоки и столбы огня, извергавшиеся неизвестным вулканом, по-видимому, указывают на гору Камерун.

После того как иссякают немногочисленные ссылки на военные кампании египтян, источники, особенно после римского завоевания Северной Африки, уделяют большое внимание восточному побережью Африки к югу от Сахары и истокам Нила. Во второй половине I тысячелетия до н. э. греческие моряки по опыту знали, что можно, выйдя из Красного моря, достигнуть северо-западного берега Индии. Они совершали плавания также вдоль восточноафриканского побережья и доходили до границ современного Мозамбика.

От этого времени дошла чрезвычайно интересная логия, руководство для греческих мореплавателей, – «Перипл Эритрейского моря» анонимного автора. Скорее всего, он был составлен греком из Александрии, который, очевидно, сам плавал у южных берегов Восточной Африки. Он сообщает о торговых станциях, тянувшихся по восточноафриканскому побережью до поселения Рапта (между Дар-эс-Саламом и Тангой). Составитель «Перипла» описывает оживленные портовые города на побережье «Азании» – ныне здесь находятся Кения и Танзания – и сообщает кое-какие сведения об их жителях.

Еще за несколько веков до распространения ислама на территории Африки между населением ее восточных областей и южными арабами существовали очень тесные экономические и политические связи, и некоторые вожди племен побережья даже непосредственно подчинялись химьяритским правителям Южной Аравии. В первые века нашей эры африканцы продавали чужеземцам железные орудия труда и оружие, производившиеся в Музе, на берегу Красного моря (о центрах плавки чугуна в Тропической Африке речь пойдет особо). Из портов «Азании» вывозили слоновую кость, пальмовое масло, черепаховые панцири, рабов.

«Отцу истории», греческому историку Геродоту, совершившему в V в. до н. э. путешествие по странам Востока, мы обязаны интересной и достоверной информацией о населении некоторых районов Западной и Центральной Африки, находящихся в Сахаре дальше к югу. Геродот описывает знаменитых гарамантов Феццана и их переходы через Сахару, «эффиопов-троглодитов» и насамонов Восточной Ливии. «Эфиопами» в то время называли людей негроидного типа с курчавыми волосами, живших не только в Восточной, но и в Западной Африке. Начиная с VI в. до н. э. их часто изображали на греческих вазах. По словам Геродота, область, простиравшаяся от египетского города Фивы до Геркулесовых Столбов, уже тогда представляла собой безводную пустыню, где было ни растительности, ни диких животных. Ко времени Геродота Сахара в основном уже приняла свой нынешний облик.

По-видимому, в VII в. до н. э. (?) экспедиция насамонов в составе пяти человек отправилась из оазиса Ауджила на юг. По пути им встретились город и страна, «где все люди были... малы, и... черного цвета. Мимо этого города протекает большая река, а течет она с запада на

восток, и в ней были видны крокодилы» (II, 32). Скорее всего, насамоны шли через Феццан на юго-запад к излучине Нигера (наличие таких путей предположил на основе наскальных изображений А. Лот) и достигли районов Гао и Томбукту.

Еще больший интерес представляет описание Геродотом похода гарамантов на юго-запад, в долину Нигера, из самого Феццана. Гарамантам Феццана уже было известно высококоразвитое земледелие и скотоводство. На колесницах, запряженных лошадьми, они пересекли Сахару и встретили «пещерных эфиопов», которые объяснялись на языке, напоминавшем «писк летучих мышей». Хотя исследователи еще не пришли к однозначным выводам и не могут точно сказать, о какой именно стране идет речь, они предполагают, что этот язык может быть ассоциирован с так называемыми суданскими языками, в которых, как известно, важную роль играют изменения высоты тона. Следовательно, не исключается, что рассказ Геродота о гарамантах относится к жителям бассейна Нигера или озера Чад. Археологические раскопки и остатки первобытного человека свидетельствуют, что в периоды палеолита и неолита эти местности были ранними центрами заселения, где после ускоренного высыхания Сахары и последовавших за ним перемещений народов обосновались большие массы африканцев негроидного типа.

Во времена римского господства в Северной Африке снова предпринимались экспедиции на юг. Плиний сообщает о военных походах в этом направлении. Римский проконсул Корнелий Бальб в 19 г. до н. э. дошел до Феццана, страны гарамантов, и, по предположению А. Лота, пересёк Сахару и достиг Гао. У Плиния также встречается упоминание о пещерных жителях долины Нигера, «троглодитах», уже описанных Геродотом. В 70 г. н. э. путь гарамантов был снова пройден, на сей раз Септимием Флакком, который, по словам некоторых авторов, достиг Бильмы. Птолемей сообщает, что в 86 г. н. э. Юлий Матери по повелению императора Домициана пересек вместе с гарамантами пустыню и дошел до Агисимбы, области, «где собираются носороги». Агисимбу обычно отождествляли с оазисом Аир (Республика Нигер). Но такое отождествление, скорее всего, ошибочно: из Феццана трудно достигнуть Аира. Бовилл считает, что римляне добрались до нагорья Тибести, где поблизости пролегал древний путь из Феццана в Центральный Судан, уже в то время использовавшийся для торговых связей. В пользу Тибести говорит сообщение, что там водились носороги. Эти животные в течение нескольких последующих столетий еще встречались в районе озера Чад и окрестных водоемов вплоть до Тибести.

В поисках истоков Нила, а главное, в погоне за золотом снаряжались экспедиции и в Восточный Судан. По повелению императора Нерона в 70 г. две центурии поднялись вверх по течению Нила, миновали государство Мероэ (у 5-го порога) и достигли, очевидно, заболоченной местности на берегах Белого Нила и у Бахр-эль-Газала с «огромным лабиринтом болот, покрытых трясинной, где не может пройти лодка» (Сенека, VI, 8). Так была достигнута граница древнейшей и древней Африки. К югу от Сахары она характеризовалась переходом к применению и обработке металлов и возникновением раннеклассовых обществ.

Когда в конце XV в. первые португальские завоеватели и путешественники ступили на землю Африки, значительная часть ее населения уже в течение многих веков умела выплавлять и применять железо. Исключение составляли лишь некоторые племена, жившие изолированно в отдаленных областях тропического девственного леса и Южной Африки.

Многие первобытные племена, подобно носителям неолитических культур I тысячелетия до н. э., параллельно с металлическими продолжали применять орудия труда, оружие и другие аналогичные предметы из камня и кости. Такой параллелизм наблюдается в культуре сао бассейна озера Чад и в неолитической культуре бигу в Уганде с X по XIV в. н. э., а также в центрах культуры нок перед началом нашей эры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.